

Ударники капиталистических пятилеток

Ссылка на статью: <http://rusrep.ru/article/2011/04/19/china>

Авторы: **Владимир Попов**

В чем уникальность китайской модели капитализма

Китайская экономика официально стала второй в мире, обогнав по объему ВВП японскую. А в начале марта Всекитайское собрание народных представителей утвердило планы на новую, двенадцатую пятилетку и заложило в них ежегодный семипроцентный рост экономики. Стремительным ростом экономики Поднебесной на Западе восхищаются давно и обоснованно. А когда в ходе последнего кризиса она обнаружила завидную устойчивость, некоторые авторы заключили, что эта модель более конкурентоспособна и Западу пора учиться у Китая.

У нас на Западе есть выбор, — написал недавно в “Таймс” известный английский экономический обозреватель Анатолий Калецки. — Либо мы признаем, что Китай в последние пять тысяч лет был более успешной и прочной культурой, чем Америка и Западная Европа, и теперь возвращает себе свою естественную роль глобального лидера. Либо мы перестанем отрицать соперничество между китайской и западной моделями и начнем серьезно думать, как можно реформировать западный капитализм, чтобы обеспечить ему большие шансы на успех».

Это давно не социализм

Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им никогда не сойтись — эти слова Редьярда Киплинга часто цитируют и обсуждают. Кстати сказать, у Киплинга в этом стихотворении Восток и Запад все-таки сходятся, сын английского полковника и Камаль становятся друзьями, так что, похоже, Киплингу приписывают совсем не то, что он имел в виду. Однако зададимся более скромным вопросом: действительно ли китайский капитализм кардинально отличается от западного, а китайская экономика обладает волшебной устойчивостью, которая позволяет ей оставаться островом стабильности в океане кризиса и расти на 9–13% в год или это просто стечение обстоятельств?

Социалистическая атрибутика вроде утверждения пятилетних планов не должна вводить в заблуждение — китайская экономика, конечно, уже давно не плановая и не социалистическая.

- Цены уже 20 лет как не контролируются правительством, и даже государственные предприятия работают не по плану, а на свободный рынок.
- Порядка 75% производства ВВП приходится на частный сектор, в том числе на акционерные компании, где государству принадлежит меньшая часть акций, и на частные предприятия в личной собственности. Доля государственных расходов в ВВП — всего 20%, это меньше, чем в развитых странах.
- Бесплатное образование и здравоохранение, которыми страна гордилась в период Мао, ушли в прошлое, а пенсии для крестьян и рабочих негосударственного сектора только-только начинают вводиться.
- Доходное и имущественное неравенство уже очень сильное и продолжает расти: коэффициент Джини для доходов достиг 45%, а по числу миллиардеров, согласно списку «Форбс», Китай еще в прошлом году вышел на второе место после США, обогнав Россию (64 и 62 миллиардера соответственно), не сдал позиции он и в этом году (115 и 101 соответственно).

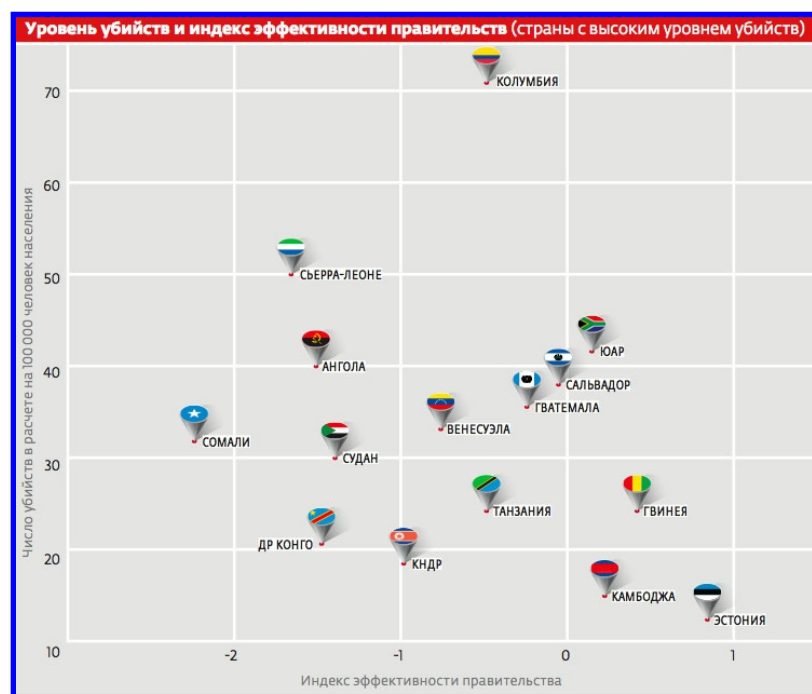
Отличия китайской экономической модели от западной остаются, но они уже не столь существенны.

- Китай проводит активную экспортно ориентированную промышленную политику, главным образом через поддержание искусственно заниженного курса юаня, что достигается ускоренным накоплением валютных резервов. Такая политика, конечно, является вмешательством в действие рыночных сил, но имеет прецеденты: ее использовали Япония и Южная Корея, Тайвань, Сингапур и Гонконг на более ранних стадиях развития.
- Земля в Китае до сих пор не является частной собственностью и не может быть предметом купли-продажи. Однако государственная собственность на землю встречалась и встречается и в других капиталистических странах, хотя, быть может, не в таких масштабах.
- Китай сохраняет контроль над движением капитала, но такой контроль практикуют многие развивающиеся страны и практиковали западноевропейские страны всего полвека назад, после Второй мировой войны.
- Политический режим в Китае авторитарный, а не демократический, но и здесь

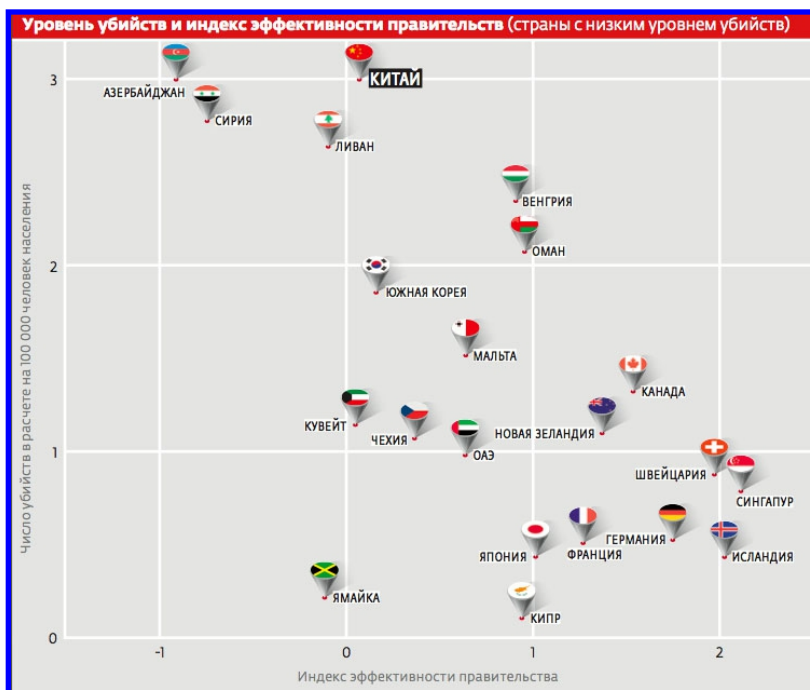
прецедентов хватает. Капитализм возник раньше, чем демократия, все страны были когда-то авторитарными, а некоторые развитые страны — Испания, Португалия, Тайвань, Южная Корея — стали демократическими всего два-три десятилетия назад.

И все-таки различия есть

При формальном перечислении сходств и отличий китайской экономической модели от западной упускается из виду самое главное. Уникальность Китая состоит в том, что если по уровню экономического развития (ВВП на душу населения) это, конечно же, развивающаяся страна, то по силе и эффективности государственных институтов он нисколько не уступает развитым странам.

Институциональный потенциал в узком определении — это способность государства проводить в жизнь свои законы и предписания. Способов субъективной оценки эффективности госинститутов немало — это индексы эффективности правительства, правопорядка, коррупции и т. д., но многие исследователи считают их ненадежными. Объективными же измерителями институциональной силы государства являются, во-первых, уровень убийств как нарушение государственной монополии на насилие и, во-вторых, доля теневой экономики как нарушение устанавливаемых государством налоговых и экономических правил. Китай по обоим показателям приближается к развитым странам и занимает почти исключительное положение в развивающемся мире (см. схему 1).

Китай оказывается в группе развитых стран по уровню убийств — менее трех на сто тысяч человек против одного-двух в Европе и Японии и пяти в США. Только некоторые развивающиеся страны, в основном на Ближнем и Среднем Востоке, имеют такой низкий показатель, тогда как в большинстве из них убийств больше на порядок. Западной Европе, кстати сказать, понадобилось 300 лет, чтобы снизить уровень убийств с сорока в XIV веке до одного-двух в XIX веке.

То же и с теневой экономикой: ее доля в Китае всего 17% — это ниже, чем в Бельгии, Испании, Португалии, тогда как в развивающихся странах этот показатель в среднем 40%, а часто доходит и до 60%. Опять-таки, лишь немногие развивающиеся страны могут похвастаться таким низким показателем — Вьетнам, Иордания, Иран, Саудовская Аравия, Сирия (см. схему 2).

Секрет эффективности

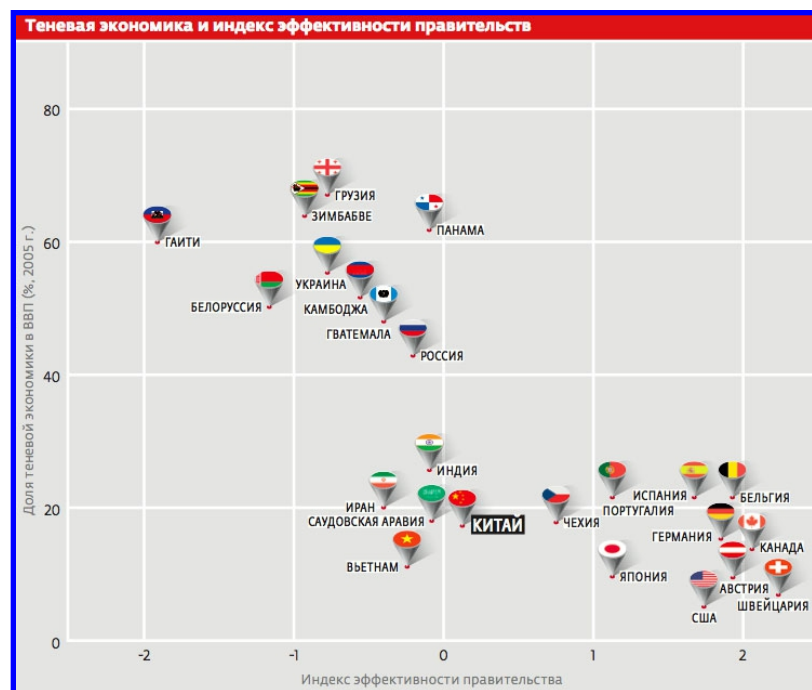
Ключевые предпосылки для китайского «экономического чуда» были заложены в коммунистический период 1949–1976 годов. Не будет преувеличением сказать, что без достижений правления Мао Цзэдуна рыночные реформы, начатые в 1979 году, никогда не дали бы таких впечатляющих результатов. В известном смысле экономическая либерализация Дэн Сяопина была последней каплей, которая переполнила чашу и привела в действие механизм ускоренного роста. Другие предпосылки экономического ускорения, в особенности такие важнейшие, как человеческий капитал и сильные институты, были созданы именно при Мао. Без них одна лишь экономическая либерализация, проводившаяся в разные периоды и в разных странах, никогда не была успешной, а часто даже оказывалась разрушительной, как, например, в Африке южнее

Сахары в 90-е годы прошлого века.

Почему экономическая либерализация сработала в Центральной Европе и не сработала в 1980-е годы в Латинской Америке, а в 1990-е — в Африке? Потому что в Центральной Европе для роста не хватало именно либерализации, тогда как критическим отсутствующим компонентом в Африке и Латинской Америке была вовсе не либерализация, а работоспособные госинституты.

Другими словами, реформы, которые требуются для ускорения роста, в разных странах различны, а могут быть и прямо противоположными. Инженерия экономического роста — как приготовление кулинарного шедевра: все ингредиенты должны быть в правильных пропорциях, если чего-то не хватает или что-то в избытке, спусковой механизм роста не сработает, экономического чуда не случится.

Для быстрого экономического роста требуются и материальная инфраструктура, и человеческий капитал, и равномерное распределение земли в аграрных странах, и сильные государственные институты, и экономические стимулы. Если одного из условий не хватает, если в одно и то же время в одном и том же месте не сходятся все необходимые факторы роста, чуда не произойдет. Экономисты Дэни Родрик, Рикардо Хаусманн и Андрес Веласко в известной статье «Диагностика роста» говорят о «критических ограничениях» на рост, которые для каждой страны разные. Иногда не хватает рыночной либерализации, иногда — сильных государственных институтов, а иногда — человеческого капитала.

Рыночные реформы 1980-х годов в Китае привели к ускорению экономического роста с 5% в среднем в 1949–1979 годах до 10% в период с 1980 до 2010 года, потому что

после победы в гражданской войне в 1949 году Компартия сформировала эффективное правительство, которого в Китае не было как минимум с середины XIX века — ни при императорах, ни при Гоминьдане. Эти институты создала только Компартия — часто авторитарными методами, но создала, — взяв под контроль всю национальную территорию, прекратив внутренние войны и распри, снизив преступность до одного из самых низких уровней в мире. Впервые в истории Китая власть дошла до каждой деревни и до каждого крестьянина, так как КПК опиралась на сеть сельских ячеек и могла росчерком пера в центре менять направление движения огромной страны — такая властная вертикаль не снилась не то что Путину, но даже и Цинь Шихуанди.

В XIX веке центральное правительство Китая не могло собрать налоги в объеме более 3% ВВП, для сравнения: в Японии сразу же после революции Мэйдзи собирали 12% ВВП. При Гоминьдане налоговые сборы возросли, но незначительно, и составляли не более 5%: центральное правительство тогда не могло сыграть заметную роль в экономике, даже если бы захотело — у него просто не было денег, государственные инвестиции в инфраструктуру в тот период вообще отсутствовали. Центральное коммунистическое правительство Китая начало с доходов, эквивалентных 5% ВВП в 1950-х годах, а оставило государственную казну команде реформаторов во главе с Дэн Сяопином в 1978 году с доходами 20% ВВП.

Уровень преступности в Китае к 1970-м годам упал до одного из самых низких в мире показателей, теневая экономика была сведена на нет, коррупция оценивалась Transparency International даже в 1985 году как самая низкая в развивающемся мире. В период правления Мао в ходе «очевидно величайшего эксперимента в массовом образовании в мировой истории» грамотность взрослого населения выросла с 28% в 1949 году до 65% к концу 1970-х (в Индии, для сравнения, только до 41%).

То есть в Китае конца 1970-х было все, что нужно для экономического роста, кроме экономической либерализации, которую, к слову сказать, провести намного легче, чем создать сильные институты. В этом отношении Китай был похож и на страны Восточной Европы, и на страны бывшего Советского Союза, где и человеческий капитал, и институты, доставшиеся в наследство от коммунистической системы, были, что называется, на уровне.

Конечно, и такая относительно несложная задача, как экономическая либерализация (отмена ограничений), требовала искусной координации. СССР был в аналогичном положении в конце 1980-х годов. Да, советская плановая система к тому времени утратила экономический и социальный динамизм, темпы роста в 1960-1980-е годы падали, продолжительность жизни перестала расти, а уровень преступности постепенно повышался, но госинституты были еще эффективны, а человеческий капитал — на уровне развитых стран, а не развивающихся. Нужные предпосылки для ускорения роста были налицо. Казалось, если добавить немного экономической либерализации, то можно воспроизвести китайский успех. Однако рыночные реформы в СССР, а потом и в России

привели не к ускорению роста, а к трансформационному спаду, продолжавшемуся без малого десять лет.

Секрет китайского успеха состоит в том, что экономическая либерализация там не сопровождалась разрушением госинститутов, как это произошло в большинстве стран бывшего СССР. Бесценное наследие «великого кормчего» в виде способности государства проводить в жизнь свои законы и предписания в Китае не растранижирили, как у нас, а сохранили: несмотря на рост доходного неравенства и преступности в ходе экономической либерализации, институциональный потенциал китайского государства остается на уровне, недостижимом для большинства стран мира.

Наша экономическая либерализация в России и СНГ, к сожалению, сопровождалась подрывом государственных институтов: доля госрасходов в ВВП резко снизилась, эффективность расходования средств упала, так как коррупция возросла. Снижение доли госдоходов и госрасходов в ВВП практически везде сопровождалось повышением удельного веса теневой экономики.

Сохранение сильного государства в переходный период, разумеется, не может быть абсолютной гарантией благоприятной динамики производства (нужны еще и другие условия, в частности эффективное расходование государственных средств). Однако резкое сокращение госрасходов — верный путь к коллапсу институтов и глубокому падению производства, сопровождающемуся углублением социального неравенства и макроэкономическим популизмом.

В отличие от России Китай, по крайней мере до сих пор, преуспел в поддержании эффективных госинститутов. Да, уровень убийств в Китае в целом вырос с менее одного на сто тысяч человек в правление Мао до 2,4 в 2006 году. Рост в два-три раза сопоставим с динамикой уровня убийств в России — с семи-десяти в горбачевский период до более тридцати в 2002 году с последующим снижением до тринадцати в 2010-м, — однако, согласитесь, разница в уровне на порядок кое-что говорит о способности правительства добиваться исполнения законов.

Можно ли воспроизвести китайскую модель

Сегодня доминирует представление, что именно демократические страны, гарантирующие права человека и свободное предпринимательство, такие как Мексика и Бразилия, Турция и Индия, станут следующими «драконами» и «тиграми» экономического роста, тогда как быстро растущие сегодня авторитарные страны, такие как Китай, Вьетнам или Иран, обречены на замедление роста в будущем и, возможно, даже на экономический спад.

Однако представьте, например, что дискуссия о том, где возникнут новые «экономические чудеса», происходит в 1960 году: одни ставят на более демократические, предпринимательские и рыночные Индию и Латинскую Америку, другие — на авторитарные, иногда даже коммунистические, страны Восточной Азии с масштабным государственным вмешательством и даже централизованным планированием... Теперь-то известно, кто оказался прав.

Опасность уникальной китайской модели грозит сегодня с другой стороны: если постепенно падавшая в ходе реформ эффективность госинститутов будет и далее снижаться, то Китай, видимо, превратится в «нормальную развивающуюся страну», такую как Россия, быстрый рост закончится, и вопрос об особой модели экономического развития отпадет сам собой.